

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

П.В. Левитов

Счастье

Опубликовано:

Христианское чтение. 1906. № 11. С. 732-743.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Счастье.

ВЪ МОМЕНТА рожденія и до послѣдняго вздоха человѣкъ стремится къ счастью, всѣми силами стараясь почерпнуть изъ жизни наибольшее количество наслажденій. «Какъ растеніе обращается къ свѣту, какъ животное ищетъ себѣ пищи, такъ сердце человѣческое подъ вліяніемъ непреодолимаго инстинкта ищетъ счастья и, если не находитъ его, то страдаетъ. Желаніе счастья неистребимо. Если оно не существуетъ подъ видомъ надежды, то проявляется подъ видомъ скорби» ¹⁾. Есть люди, которые, подобно дѣтямъ, сами не сознаютъ постояннаго стремленія къ удовольствію, и эти люди могутъ быть названы наиболѣе счастливыми. Они непосредственно наслаждаются прелестями жизни, не раздваиваясь въ каждый изъ ея моментовъ и не разсѣвая удовольствій направленнымъ на нихъ вниманіемъ. Удовольствіе во всей его свѣжести можетъ испытываться только тогда, когда оно является естественнымъ слѣдствіемъ какого-либо дѣйствія, не сопровождаясь рефлексіей и оцѣнкой его по сравненію съ тѣмъ, что ожидалось. Поэтому-то дѣти и люди природы болѣе способны къ чистому наслажденію, чѣмъ испорченные цивилизаціей сыны культуры, поэтому-то часто, заранѣе намѣтивъ цѣлю своей дѣятельности удовольствіе и употребляя рядъ различныхъ средствъ для достиженія его, мы, совершенно неожиданно для себя самихъ, болѣе наслаждаемся этими средствами, чѣмъ самою цѣлю. По достиженіи послѣдней мы перѣдко испытываемъ горькое разочарованіе, убѣдившись, что искомое не стоило того, чтобы

¹⁾ „Правосл. Обзор.“ 1880 г. т. 1, стр. 158.

его искать. И это вполне понятно. Когда удовольствіе возникает совершенно неожиданно, не будучи предварительно поставленнымъ въ качествѣ цѣли дѣйствія и идеально воспроизводимымъ, оно испытывается во всей своей непосредственности и всецѣло сосредоточиваетъ на себѣ наше вниманіе. Когда же оно намѣчено, какъ цѣль, то по достиженіи его тотчасъ же начинается сужденіе ума: насколько хорошо испытываемое наслажденіе, удовлетворило ли оно ожиданію и стоило ли столько хлопотъ. Уже вслѣдствіе одного этого вниманіе отвлекается отъ чувства въ сторону мыслительныхъ процессовъ и понижаетъ его интенсивность. Къ этому присоединяется досада, что ожидаемое не сбылось, что собственно не стоило хлопотать изъ-за того, что испытывается, а отсюда мысль о суетности жизни, тоска и разочарованіе.

Самый несчастный человѣкъ—сознательный эгоистъ, поставившій цѣлью своей жизни во что бы то ни стало быть счастливымъ и оцѣнивающимъ каждый моментъ ея съ этой точки зрѣнія. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что всѣ люди эгоисты и безотчетно управляются въ своихъ дѣйствіяхъ стремленіемъ къ личному счастью. Но большинствомъ это не сознается и они, поступая по мотивамъ наслажденія, не ставятъ послѣднее преднамѣренно цѣлью своей дѣятельности. Отсюда наслажденія испытываются или во всей своей цѣлостности и свѣжести, а страданія лишь какъ наличный фактъ, продолжаясь только до тѣхъ поръ, пока дѣйствуетъ возбуждающая ихъ причина. Но есть люди, преимущественно съ преобладающимъ развитіемъ интеллекта надъ волею и чувствомъ, которые во что бы то ни стало хотятъ быть счастливыми и при наступленіи какого-либо горя испытываютъ двойное страданіе: отъ дѣйствія объективной враждебной намъ силы и отъ чисто теоретическаго сознанія неудовлетворенности своего желанія быть счастливымъ. Зубная боль, которая во всякомъ человѣкѣ возбуждаетъ лишь чисто физическое мученіе, въ сознательномъ эгоистѣ помимо этого вызываетъ чувства досады и злобы отъ сознанія того, что ему приходится страдать, что проведенный день является минусомъ въ общей суммѣ его жизненнаго счастья. Правда, для сознательнаго эгоиста и удовольствіе, повидимому, должно бы было быть двойнымъ, но на самомъ дѣлѣ этого не бываетъ. Наоборотъ, раздвоеніе вниманія при оцѣнкѣ наслажденія съ точки зрѣнія его отношенія къ общему балансу жизненнаго счастья и сравненіе удовольствія реальнаго съ ожидаемымъ

понижаетъ его интенсивность. Положимъ, эгоистъ отправляется въ театръ. Всякій идетъ туда, конечно, съ цѣлью получить удовольствіе. Но обыкновенно мы не останавливаемъ вниманія на этой цѣли и, пришедши въ зрительный залъ, всецѣло отдастся наслажденію искусствомъ. Если времяпровожденіе окажется несоотвѣтствующимъ нашему ожиданію, мы испытываемъ лишь легкое, едва замѣтное, недовольство. Сознательный эгоистъ, отправляясь въ театръ, смотритъ на предстоящіе часы, какъ на средство увеличить итогъ жизненнаго счастья. Приступивши къ созерцанію происходящаго на сценѣ, онъ тотчасъ задается вопросомъ: насколько пріятно испытываемое имъ теперь состояніе? По неизбѣжному психологическому закону, разъ человѣкъ поставилъ такой вопросъ относительно наличнаго чувства, послѣднее ослабѣваетъ, если не разсѣвается. Отсюда отвѣтъ на него обычно бываетъ отрицательный, необходимо вызывающій недовольство собою и упреки самому себѣ за неудачное времяпровожденіе. Итакъ во всемъ, и всегда! Сознательный эгоистъ рассчитываетъ и взвѣшиваетъ каждый свой шагъ, каждое движеніе. Онъ постоянно слѣдитъ за тѣмъ, какъ бы не прогадать крупницы счастья, постоянно заботится о томъ, чтобы воспользоваться временемъ наиболѣе выгодно и пріятно. Въ этой погонѣ за наслажденіями, въ этомъ обдумываніи и взвѣшиваніи мельчайшихъ деталей своего поведенія онъ постоянно ошибается, или, по крайней мѣрѣ, думаетъ, что ошибается, а вслѣдствіе этого испытываетъ постоянное недовольство и жизнью и собою.

По справедливому замѣчанію Тургенева, «жизнь только того не обманетъ, кто не размышляетъ о ней и, ничего отъ нея не требуя, принимаетъ спокойно ея немногіе дары и спокойно пользуется ими». Та же мысль выражена въ одной французской пословицѣ, совѣтующей принимать жизнь такъ, «какъ она есть». Способностью *такъ* относиться къ жизни отличались, на примѣръ, древніе греки, вслѣдствіе чего античное міросозерцаніе отличается такимъ жизнерадостнымъ колоритомъ. Ею въ настоящее время въ большей степени отличаются дѣти сравнительно съ взрослыми и простолюдины сравнительно съ людьми интеллигентными. Послѣдніе слишкомъ многого требуютъ отъ жизни и слишкомъ много размышляютъ надъ ней, а потому и вырождаются въ тѣхъ Чеховскихъ «нытиковъ» и Тургеневскихъ «Гамлетовъ», которыхъ такъ много встрѣчается у насъ въ послѣднее время. Припомнимъ, какъ Обломовъ, бывшій на

седьмомъ небѣ послѣ объясненія съ Ольгой, «углубился въ анализъ собственнаго счастья и вдругъ отравился. Отрава по-дѣйствовала сильно и быстро. Онъ пробѣждалъ мысленно всю свою жизнь: въ сотый разъ раскаяніе и сожалѣніе о минувшемъ подступило къ сердцу». И такъ бываетъ со всѣми.

Вторымъ условіемъ счастья является устраненіе изъ сознанія представленій о возможныхъ страданіяхъ и наполненіе его образами противоположнаго характера. Привычка размышлять о предстоящихъ несчастіяхъ способна отравить и испортить все наше существованіе. Подобно тому, какъ представленіе о грядущихъ наслажденіяхъ и подготовленіе къ нимъ иногда доставляютъ намъ больше счастья, чѣмъ самыя наслажденія, такъ и ожиданіе страданій способно болѣе измучить насъ, чѣмъ самыя страданія. Иногда наступленіе послѣднихъ даже вносить въ нашу душу нѣкоторое успокоеніе, такъ какъ полагаетъ конецъ тому тягостному состоянію томительной неопредѣленности, которое имъ предшествуетъ. Когда Анна создалась въ своей любви къ Вронскому, Каренинъ «почувствовалъ совершенное освобожденіе отъ сомнѣній и страданій ревности. Онъ испытывалъ чувство человѣка, выдернувшаго давно болѣвшій зубъ. Послѣ страшной боли и оцущенія чего-то огромнаго, больше самой головы, вытягиваемаго изъ челюсти, больной вдругъ, не вѣря еще своему счастью, чувствуетъ, что не существуетъ болѣе того, что такъ долго отравляло жизнь, приковывало къ себѣ все вниманіе, и что онъ опять можетъ жить и интересоваться не однимъ только своимъ зубомъ». Но пословица «не такъ страшенъ чертъ, какъ его малюютъ» ожидаемое несчастье въ дѣйствительности часто бываетъ не въ состояніи принести намъ и сотой доли тѣхъ мученій, которыя мы переживаемъ въ воображеніи. А иногда даже то, интиципация чего служитъ для насъ источникомъ многочисленныхъ волненій, на самомъ дѣлѣ только способствуетъ увеличенію общей суммы нашего счастья. Такое значеніе иногда имѣютъ для насъ: потеря состоянія, служебныя неприятели, перемѣна мѣста жительства и т. п. «Мы думаемъ, говоритъ Толстой, что какъ насъ выкинетъ изъ привычной дорожки, все пропало, а тутъ только начинается новое хорошее. Пока есть жизнь, есть и счастье». Отсюда счастливы тѣ люди, которые обладаютъ способностью предвосхищать внутренне имѣющія наступить удовольствія и не думать о возможныхъ страданіяхъ. Привычка размышлять о послѣднихъ, останавливаться въ будущемъ лишь на момен-

тахъ возможнаго горя, способна довести человѣка до сумасшествія. Особенно ужасна мысль о старости и смерти, а также сознаніе медленнаго умиранія. Мысль, что съ 25 лѣтъ, съ каждымъ часомъ, съ каждой минутой, станешь уже не развѣваться и цвѣсти, а хотя медленно, но неизбѣжно гнить и разлагаться, ужасна. Загнившій зубъ символъ всего организма. Во вторую половину жизни послѣдній все ветшаетъ и ветшаетъ, пока не износится и не превратится въ кусокъ гнилого, червиваго мяса.

Человѣкъ постоянно готовится къ жизни и никогда не живетъ. Всегда ему кажется, что не наступило еще его время, что это пока такъ, что жизнь со всѣми ея прелестями впереди, что завтрашній день пройдетъ лучше сегодняшняго. Отсюда ему всегда хочется, чтобы жизнь шла быстрѣе, и какъ рѣдко бываютъ моменты, когда человѣкъ подобно Фаусту желалъ бы остановить мгновеніе. Напротивъ, его всегдашнее желаніе: «впередъ и впередъ», «мимо и мимо», какъ будто бы все это еще не то, что нужно, какъ будто хорошее еще имѣеть только наступить. Въ ожиданіи будущаго человѣкъ не замѣчаетъ хорошаго настоящаго и только со временемъ, когда оно перейдетъ въ область воспоминанія, начинаетъ сознавать его прелесть. Отсюда человѣкъ обыкновенно крайне несправедливъ къ настоящему, но за то идеализируетъ прошедшее и возлагаетъ слишкомъ много надеждъ на будущее. По замѣчанію Шопенгауэра, настоящее, разсматриваемое съ внутренне-индивидуальной точки зрѣнія, «можно сравнить съ маленькой темной тучкой, которую вѣтеръ гонитъ надъ озаренной солнцемъ равниной. Предъ нимъ и за нимъ все свѣтло, только оно само отбрасываетъ темную тѣнь» ¹⁾. А между тѣмъ, съ объективной точки зрѣнія, оно-то и есть именно истинно реальное, тогда какъ будущее всегда ненадежно, прошедшее невозвратно. Поэтому не всегда цѣлесообразно жертвовать реальнымъ настоящимъ ради проблематическаго будущаго. Иногда, поступая такимъ образомъ, мы упускаемъ минуты счастья и не выгадываемъ ничего для послѣдующей жизни. Имѣя это въ виду, Шопенгауэръ замѣчаетъ, что «затѣвать широкія приготовленія къ жизни, въ какомъ бы то ни было родѣ, одна изъ величайшихъ и чаще всего встрѣчающихся глупостей. При этомъ прежде всего берется въ расчетъ полный человѣческій вѣкъ,

¹⁾ „Міръ, какъ воля и представленіе“, стр. 694.

а достигаютъ его весьма немногіе. Затѣмъ, если бы человѣкъ и прожилъ столько, жизнь оказывается слишкомъ короткой для задуманныхъ плановъ, такъ какъ выполненіе ихъ всегда требуетъ гораздо болѣе времени, чѣмъ предполагалось. Далѣе, планы эти, какъ и всѣ человѣческія вещи подвержены такимъ многочисленнымъ неудачамъ и препятствіямъ, что чрезвычайно рѣдко доводятся до цѣли. Наконецъ, если даже на послѣдокъ всего достигъ и добился, то оказывается, что не были приняты въ расчетъ и вниманіе тѣ переменныя и превращенія, которыя производятъ время въ насъ самихъ. Поэтому и случается, что мы часто трудимся надъ такими вещами, которыя, будучи достигнуты, намъ уже не подобаютъ; или же, что мы на подготовку къ какому либо дѣлу затрачиваемъ годы, которые незамѣтно отнимаютъ у насъ силы для его выполненія. Такъ, напримѣръ, нерѣдко мы бываемъ не въ силахъ воспользоваться богатствомъ, нажитымъ съ такими усиліями и опасностями, и оказывается, что мы работали на другихъ; или, что мы не можемъ занимать поста, котораго добились послѣ многолѣтней борьбы и тревоженій. Искомое приходитъ къ намъ слишкомъ поздно... Всѣ эти частныя неудачи происходятъ вслѣдствіе оптического обмана духовнаго глаза; жизнь наша при взглядѣ на нее въ началѣ поприща кажется безконечною, а при оглядѣ на нее въ концѣ очень короткой ¹⁾.

Всякій, кто внимательно слѣдилъ за своею внутреннею жизнью въ ея прошломъ и настоящемъ, не можетъ не замѣтить въ приведенныхъ разсужденіяхъ Шопенгауэра много правды. Если прожиганіе жизни безъ всякихъ соображеній о будущемъ можетъ сдѣлать человѣка несчастнымъ, то и противоположная крайность—слишкомъ осторожное отношеніе къ будущему, съ отреченіемъ ради него отъ настоящаго, можетъ оказаться въ сущности невыгоднымъ и привести въ общемъ къ уменьшенію суммы счастья. И если съ одной стороны возможно, что юноша расточившій свои силы въ погонѣ за наслажденіями, въ старости пожалѣетъ, что не былъ воздержнымъ и осмотрительнымъ, то не менѣе возможно и то, что старецъ, приближающійся къ смерти, окинувши умственнымъ взоромъ всю свою прошлую жизнь, пожалѣетъ, что не пользовался въ свое время доступными наслажденіями и что не извѣдалъ всего того счастья, которое могъ бы извѣдать. Да

¹⁾ „Афаризмы и максимы“, пер. Черниговца, Спб. 1892 г. стр. 173—174.

это можно сказать и не объ однихъ только старцахъ. Неужели люди, съ самой ранней юности привыкшіе обдумывать каждый свой шагъ, напередъ разсчитывать и взвѣшивать послѣдствія каждаго удовольствія, опасаящіеся всякаго свободнаго проявленія чувства и влеченія, никогда не испытываютъ зависти при видѣ своихъ сверстниковъ, беззаботно черпающихъ изъ жизни наслажденія, берушихъ отъ нея все, что можно взять при помощи молодости, красоты и силы? Благонравные мальчики, затѣмъ аккуратные юноши надѣются со временемъ, въ зрѣлыхъ лѣтахъ воротить потерянное и вознаградить себя за тотъ аскетизмъ, которому подвергались въ молодости. Но проходятъ года, слабѣетъ чувство жизни, пропадаетъ душевная свѣжесть и они убѣждаются, что теперь, если бы и захотѣли, они уже не могутъ такъ наслаждаться жизнью, какъ наслаждается юность. Въ такія минуты представитель умѣренности и воздержанія, быть можетъ, пожалѣетъ, что былъ излишне благоразуменъ, и при взглядѣ на ликующую, наслаждающуюся молодежь не безъ зависти подумаетъ, что лучше кратковременная, но исполненная жгучаго счастья жизнь, чѣмъ долгое временное прозябаніе.

Когда человѣкъ мечтаетъ о будущемъ и жертвуетъ ради него настоящимъ, то ему кажется, что онъ вѣчно останется такимъ же, какъ теперь. всегда будетъ обладать тою же воспримчивостью къ жизни и счастью, тѣми же интересами. Если, на примѣръ, молодой человѣкъ мечтаетъ со временемъ занять извѣстную видную должность, то ему представляется, что это тогда доставитъ ему такое же удовольствіе, какъ если бы онъ получилъ ее теперь. Ему даже кажется, что тогда сохранится та же обстановка его жизни, тѣ же друзья и знакомые и т. д. На самомъ дѣлѣ, когда приходитъ время исполненія надежды, оно уже не доставляетъ человѣку удовольствія, такъ какъ онъ самъ сдѣлался неспособнымъ чувствовать всю его прелесть. Когда сынъ скупого рыцаря говоритъ еврею, что въ зрѣлые годы ему и деньги не будутъ нужны, то въ его словахъ нельзя отрицать значительной доли правды. Вѣдь все хорошо въ свое время. Та самая конфекта или игрушка, которая доставляетъ огромную радость ребенку, совсѣмъ не нужна для взрослоаго. Такъ можно разсуждать и о всѣхъ наслажденіяхъ. «Отраднѣй быть здоровымъ бѣднякомъ, чѣмъ Цезаремъ больнымъ», говоритъ Байронъ. «Не оспоримо, что счастья не можетъ дать громъ побѣды, когда нельзя переварить обѣды». Дѣйствительно

уже одна чисто физическая слабость мѣняетъ подь старость наслаждаться жизнью, хотя бы и были повидимому для этого всѣ благопріятныя условія. Но еще большее значеніе имѣетъ здѣсь духовная невоспримчивость, вялость, ослабленіе или полная атрофія различныхъ психо-физическихъ функцій. Многія удовольствія во всей своей полнотѣ и свѣжести могутъ быть испытываемы только въ молодости. Вслѣдствіе этого юноша, жертвующій настоящимъ моментомъ счастья ради того, чтобы въ большей степени получить его когда-нибудь со временемъ, часто уподобляется человѣку, который давалъ бы въ долгъ деньги золотой монетой, чтобы вмѣсто нея получить съ процентами кружки изъ желтой бумаги.

Наконецъ, четвертымъ условіемъ счастья и средствомъ его увеличенія является поставленіе своего благополумія въ возможно меньшую зависимость отъ внѣшнихъ факторовъ. Что наше хорошее или дурное настроеніе далеко не такъ тѣсно связано съ внѣшними условіями жизни, какъ кажется съ перваго взгляда, это фактъ очевидный для всякаго наблюдательнаго человѣка. Но странное дѣло,—опытъ плохо въ этомъ случаѣ учить людей и они продолжаютъ жить иллюзіей, что для ихъ счастья не достаетъ того-то и того-то изъ матеріальныхъ благъ. На самомъ дѣлѣ пріобрѣтеніе богатства, удача въ какомъ либо предпріятіи, удовлетвореніе честолюбія лишь на короткое время повышаютъ наше самочувствіе, равно какъ и наоборотъ внѣшнія неудачи лишь на короткое время понижаютъ его. Всякому кто получалъ 10 лѣтъ тому назадъ въ 10 разъ менѣе, чѣмъ теперь, должно быть хорошо извѣстно, что въ общемъ его душевное состояніе возвысилось далеко не въ такой степени, какъ онъ ожидалъ,—да и возвысилось ли? Лишь дѣтямъ свойственно думать, что богатый обязательно счастливѣе бѣднаго, или статскій совѣтникъ титулярнаго. Удачное объясненіе разсматриваемаго нами явленія находимъ мы у Шопенгауэра. «Что наше настроеніе, говоритъ онъ, по утратѣ богатства или благосостоянія, коль скоро минуютъ первые приступы горя, не очень разнится отъ нашего обычнаго настроенія, то это происходитъ отъ того, что по уменьшеніи судьбою фактора нашего достоянія, мы тотчасъ сами уменьшаемъ факторъ нашихъ притязаній. Но собственно только эта операція и болѣзненна при несчастномъ случаѣ; когда же она совершена, боль становится все меньше и напослѣдокъ совсѣмъ не чувствуется: рана заживаетъ. Наоборотъ, при счаст-

ливомъ случаѣ компрессаръ нашихъ притязаній снимается и они расширяются: въ этомъ заключается радость. Но и она длится не долге, чѣмъ продолжается эта операція: мы выкаемъ къ расширенной мѣркѣ притязаній и станемъ равнодушны къ соотвѣтственному съ ней достоянію ¹⁾).

Вслѣдствіе такой малой зависимости нашего настроенія отъ внѣшнихъ условій, никогда не слѣдуетъ слишкомъ бояться различныхъ несчастныхъ переворотовъ въ нашей судьбѣ. Они не въ состояніи принести намъ и малой части тѣхъ страданій, которыхъ мы ожидаемъ. Равнымъ образомъ и на перемежну внѣшнихъ обстоятельствъ къ лучшему нельзя возлагать слишкомъ большихъ надеждъ. Въ общемъ наше самочувствіе останется почти одинаковымъ повернется ли наша жизнь такъ или иначе. Пьеръ Безуховъ, попавшій во время нашествія Наполеона въ плѣнъ къ французамъ, узналъ, «что на свѣтѣ нѣтъ ничего страшнаго. Онъ узналъ, что какъ на свѣтѣ нѣтъ положенія въ которомъ бы человѣкъ былъ счастливъ и вполне свободенъ, такъ и нѣтъ положенія, въ которомъ бы онъ былъ вполне несчастливъ и несвободенъ. Онъ узналъ, что есть граница страданій и граница свободы и что эта граница очень близка; что тотъ человѣкъ, который страдалъ оттого, что въ розовой постели его завернулся одинъ листокъ, точно такъ же страдалъ, какъ страдалъ онъ теперь, засыпая на голой сырой землѣ, остужая одну сторону и согрѣвая другую, что когда бывало падѣвать свои узкіе бальные башмаки, онъ точно такъ же страдалъ, какъ теперь, когда онъ уже шелъ совсѣмъ босой погамн, покрытыми болячками». Вронскій, полагавшій, что любовь Анны дастъ ему безграничный океанъ наслажденій, скоро почувствовалъ, «что осуществленіе его желанія доставило ему только песчинку изъ той горы счастья, которой онъ ожидалъ. Это осуществленіе показало ему ту вѣчную ошибку, которую дѣлаютъ люди, представляя себѣ счастье осуществленіемъ желанія. Первое время послѣ того какъ онъ соединился съ нею, онъ былъ доволенъ, но не надолго. Онъ скоро почувствовалъ, «что въ душѣ его поднялось желаніе желаній—тоска». «Сколько разъ онъ говорилъ себѣ, что ея любовь—счастье: и вотъ она любила его, какъ можетъ любить женщина, для которой любовь перевѣсила всѣ блага въ жизни и онъ былъ гораздо дальше отъ счастья, чѣмъ прежде. Тогда онъ считалъ

¹⁾ „Афоризмы“, стр. 60.

себя несчастливымъ, но счастье было впереди: теперь же онъ чувствовалъ, что лучшее счастье было уже позади».

Впрочемъ, какъ бы мы хорошо ни сознавали теоретически независимость нашего счастья отъ внѣшнихъ условій жизни, на практикѣ мы никогда не перестанемъ всѣми силами заботиться объ ихъ улучшеніи. Опытъ въ этомъ случаѣ является плохимъ наставникомъ людей. Между логикой и психологіей здѣсь возникаетъ антагонизмъ, такъ часто наблюдаемый и въ другихъ случаяхъ жизни. Кому неизвѣстно, какъ часто наше расположеніе духа зависитъ отъ минутной удачи или неудачи. Получивши мелкую неприятность, мы иногда хорошо сознаемъ, что послѣдняя въ сущности не имѣетъ никакого значенія въ нашей жизни, но тѣмъ не менѣе подъ ея вліяніемъ приходимъ въ дурное настроеніе и начинаемъ видѣть будущее въ мрачномъ свѣтѣ. Крушный неуспѣхъ въ томъ или иномъ направленіи иногда приводитъ насъ въ отчаяніе, такъ, какъ бы все погибло, хотя на основаніи прошлаго опыта мы и не должны были бы такъ думать. Когда Левинъ каждый день вздрагивалъ и краснѣлъ, вспоминая позоръ отказа со стороны Кити, онъ говорилъ себѣ: «также краснѣлъ и вздрагивалъ я, считая все погибшимъ, когда получилъ единицу за физику и остался на второмъ курсѣ, также считалъ себя погибшимъ послѣ того, какъ испортилъ порученное мнѣ дѣло сестры. И что жъ? Теперь, когда прошли года, я вспоминаю и удивляюсь, какъ это могло огорчать меня. То же будетъ и съ этимъ горемъ. Пройдетъ время и я буду къ этому равнодушенъ». Такъ разсуждалъ Левинъ, но теоретическія соображенія мало способствовали смягченію его внутренней боли. Послѣдняя утихла лишь тогда, когда пришло для этого время, подъ вліяніемъ не логическихъ выкладокъ, а различныхъ факторовъ жизни. Равнымъ образомъ иногда случайный успѣхъ, ни о чемъ въ сущности не свидѣтельствующій и могущій чрезъ минуту смѣниться неуспѣхомъ, возвышаетъ наше самочувствіе и вызываетъ въ воображеніи цѣлый рядъ свѣтлыхъ, счастливыхъ картинъ будущаго. Проявленіе того же психическаго антагонизма встрѣчаемъ мы и въ той иллюзіи, по которой внѣшнее благосостояніе считается синонимомъ внутренняго счастья. Но нѣкоторыя основанія эта иллюзія все же имѣетъ, какъ субъективно-психологическія, такъ и объективно реальныя.

Хотя то или другое общественное положеніе, состояніе, здорье—далеко не могутъ сами по себѣ создать нашего

счастья, однакожь, они болѣе благопріятствуютъ ему, чѣмъ явленія противоположнаго характера. Человѣкъ, обладающій прекраснымъ здоровьемъ, не знающій матеріальной нужды, ни отъ кого независимый, при одинаковомъ характерѣ и темпераментѣ дѣйствительно скорѣе можетъ пользоваться счастьемъ, чѣмъ больной бѣднякъ, еле, еле добывающій себѣ средства къ жизни, принужденный силою обстоятельствъ терпѣть униженія и обиды. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо замѣтить, что тотъ законъ приспособленія и уменьшенія компрессора нашихъ притязаній вмѣстѣ съ ухудшеніемъ нашего внѣшняго благосостоянія, о которомъ говоритъ Шопенгауэръ, не безграниченъ и иногда дѣйствуетъ очень медленно. Левинъ, получивъ отказъ Кита, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ испытывалъ чувство глубокаго горя. Есть такія несчастія, свыкнуться съ которыми мы не успѣваемъ во всю жизнь. Внезапно поразившая насъ бѣдность можетъ вѣчно угнетать насъ, хотя и не въ такой степени, какъ можно было думать объ этомъ раньше. Но особенно чувствительно отражается на нашемъ настроеніи недостатокъ здоровья. Изъ всѣхъ внѣшнихъ условій счастья послѣднее является самымъ дѣйствительнымъ. Хотя въ исключительныхъ случаяхъ и больные могутъ испытывать величайшую радость, хотя къ самымъ тяжкимъ физическимъ страданіямъ можно до нѣкоторой степени привыкнуть, но все же здоровый нищій имѣетъ гораздо больше шансовъ быть счастливымъ, чѣмъ больной милліонеръ. Хорошій аппетитъ, хорошій сонъ, ощущаемая во всемъ тѣлѣ свѣжесть и бодрость служатъ постояннымъ источникомъ удовольствій, недоступныхъ человѣку съ разстроеннымъ здоровьемъ. Настроеніе послѣдняго постоянно отравляется чисто физическими причинами, во всемъ организмѣ чувствуется вялость, различныя удовольствія не воспринимаются, какъ таковыя. Едва ли бы кто согласился терпѣть вѣчную зубную боль взаменъ предоставленія ему свободнаго пользованія всѣми остальными благами міра. Въ меньшей степени, но аналогично и всякое другое нездоровье вліяетъ на наше внутреннее благосостояніе.

Но если внѣшніе благопріятные факторы лишь до нѣкоторой степени повышаютъ наше самочувствіе, то чѣмъ объяснить то обстоятельство, что люди всегда придаютъ имъ такую высокую цѣнность? Причина этого, помимо только что указанной, заключается въ слѣдующемъ. Внутреннее, субъективное настроеніе человѣка неуловимо. Его нельзя, такъ сказать,

кристаллизировать, закрѣпить и сдѣлать достояніемъ будущаго. Единственно, что отъ насъ зависитъ—это заботиться о созданіи такихъ условій, которыя всего болѣе благопріятствовали бы нашему счастью. И вотъ человѣкъ старается накопить тѣ ассигнаціи, которыя со временемъ думаетъ промѣнять на звонкую монету счастья. Но, какъ мы говорили, часто эти расчеты бываютъ ошибочны. Жертвуя реальными удовольствіями ради приобрѣтенія его суррогатовъ для будущаго, человѣкъ часто уподобляется тому, кто копилъ бы фальшивыя бумажки, приобрѣтаемыя имъ взамѣнъ золота, которое ему предоставлялось бы тратить въ данный моментъ.

Павель Левитовъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки